

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ вышло в свет несколько критических работ о творчестве некоторых писателей 20-х и начала 30-х годов — А. Веселом, И. Бабеле, П. Васильеве, И. Катаеве. Часть из этих работ появилась в журналах, остальные стали предисловиями к избранным произведениям упомянутых писателей. Можно было бы горячо приветствовать подобное начинание, если бы эти работы отличались объективностью и принципиальностью. Но почин оказался с «изъянцем». Об этом подробно пишет в № 4 журнала «Знамя» литературный критик А. Макаров в своей полемической статье «Разговор по поводу...».

«Было время, когда творчество ряда писателей замалчивалось или истолковывалось как сознательно враждебное. Ныне о творчестве тех же писателей пишут так, как будто они то и были вершинами нашей литературы, умалчивая о противоречиях, отпуская грехи и вовсе снимая идейные оценки. Не пора ли перестать бросаться из одной крайности в другую? Статьи-акафисты мало способствуют восстановлению исторической истины».

Редакция журнала «Знамя» выступает против конъюнктурной тенденции некоторой части литераторов амнистировать любое явление прошлого, изобразить путь развития нашей литературы так, словно она «сразу из пеленок своих вышла совершенно и идеально сформировавшейся, подобно Афине Палладе из головы Зевса».

Творчеству Артема Веселого была посвящена статья М. Чарного в журнале «Октябрь». Как пишет А. Макаров, М. Чарный с «неудержимой апогетической экспрессией» создал

искаженный литературный портрет Артема Веселого. Эта «экспрессия» дошла до того, что М. Чарный сравнивает отдельные произведения А. Веселого с прозой А. Толстого. Но для этого нет никаких оснований: это, конечно же, несопоставимые вещи. М. Чарный затушевывает противоречия в творчестве писателя, его явные идейные и художественные просчеты. Нельзя не согласиться с общей оценкой произведений Артема Веселого, которая дана на страницах «Знамени»:

«Пыл, ор, яр, половец, урывистая вода» — таким было восприятие революции глазами молодого Веселого. Он отлично передал ненависть народа к старому миру... но не смог выразить ни созидательной стороны революции, ни ее подлинных целей и идеалов, ни ту партийную силу, которая весь этот «пыл...» уверенно направляла в русло сознательной борьбы за коммунизм. Было бы неверным преувеличивать роль этого художника в литературе и значение его буйно-размашистых романов для наших современников».

В статье «Разговор по поводу...» ведется полемика с И. Эренбургом, написавшим предисловие к «Избранному» Исаака Бабеля. Наибольшие возражения вызывает безапелляционная оценка, данная И. Эренбургом творчеству Бабеля: «Все его произведения были рождены жизнью, он был реалистом в самом точном смысле этого слова». Редакция «Знамени» не разделяет этих восторгов: «...перечитывая произведения Бабеля, нельзя не прийти к выводу, что у Эренбурга какое-то свое, особое понимание реализма, не совпадающее не только с нашими понятиями о социалистическом реализме, но и о реалистическом искусстве вообще... Ибо под понятием реализма мы вовсе не подразумеваем только наглядность, осязаемость художественного воплощения всего, что рождено жизнью, а тем более ее второстепенных явлений, но и тот принцип отбора явлений, который помогает художнику выразить суть исторического движения вперед».

А. Макаров, отмечая незаурядный талант И. Бабеля, справедливо считает, что ему присущ скорее романтизированный натурализм, на манере этого писателя явственно сказалось влияние декадентской литературы предреволюционных лет. Неясность, запутанность мировоззрения И. Бабеля, далекого от народа, не позволили ему понять смысл революционной борьбы, смысл эпохи. Критик убедительно показал, что творчество Бабеля — «своеобразное и изломанное явление определенного времени и определенной среды», что «запутанность мировоззрения делала И. Бабеля художником крайне ограниченным».

Неправомерно у Эренбурга сравнение гуманизма И. Бабеля с гуманизмом всех великих русских писателей — «от Гоголя до Горького». В связи с этим в статье «Разговор по поводу...» правильно сказано, что своеобразный гуманизм Бабеля имеет мало общего с гуманизмом социалиста и борца, который проповедовал Горький.

В предисловии И. Эренбурга к «Избранному» И. Бабеля есть восторженные строки о том, что герои Бабеля были «живыми людьми, с достоинствами и пороками» (подчеркнуто нами. — Л.). Дозировка достоинств и пороков — столь же избитая, сколь и неверная «мерка» литературного мастерства, то и дело прикладываемая к произведениям некоторой частью литераторов. «С этим уж никак нельзя согласиться, — отвечает И. Эренбургу А. Макаров. — Нам, например, не кажутся схематичными ни Павел Корчагин, ни комиссар Клычков, за которыми, насколько известно, не водилось никаких пороков. Более того, если такой мерой мерить главных героев собственной трилогии Ильи Эренбурга — Сергея Влахова и Мадо, то и они окажутся схематичными...».

В качестве предисловия к книге избранных произведений Ивана Катаева опубликована статья критика В. Гоффеншера. По мнению «Знамени», и этой статье присущ чрезмерно восторженный тон: это «не столько портрет Ивана Катаева, сколько лик», на котором нет никаких морщин. Как известно, И. Катаев был одним из руководителей «Перевала», но автор предисловия даже не пытается дать хотя бы беглую характеристику этой литературной группы. Между тем мелкобуржуазные идеалистические воззрения на искусство, которые проповедовал главный теоретик «Перевала» А. Воронский, реально сказались на творчестве молодого тогда писателя И. Катаева. В статье «Разговор по поводу...» это доказывается подробно и убедительно. Рассказывая о творческом пути писателя, А. Макаров вместе с тем отмечает, что И. Катаев позднее стал на правильный путь, но не успел достичь на этом пути значительных успехов. «Писатель остается в литературе, — замечает критик, — не теми тенденциями, которые он обнаруживал, не тем, что он мог бы создать, а тем, что было создано им. И уж кто-кто, а В. Гоффеншер-то должен помнить, как повредили молодому писателю Ивану Катаеву капитулянтские «теории» «Перевала», проявившиеся в его произведениях, в частности в виде абстрактно гуманистических, объективистских взглядов на историю и человека, взглядов, чуждых искусству социалистического реализма».

К. Зелинский в своем предисловии к «Избранным стихотворениям и поэмам» Павла Васильева также не избегал излишнего благодушия и снисходительности, преувеличил место этого поэта в советской поэзии.

Нельзя не присоединиться к призыву журнала «Знамя»: поменьше абстрактных восторгов, побольше глубокого анализа, чтобы «живое, творческое лицо писателя не подменялось... иконописным ликом». Нельзя забывать ленинских положений о критическом отношении к литературному наследию!

ЛИТЕРАТОР